

УДК 811.161.1

Е. А. Жданова, Л. В. Рацибурская

**НОВЫЕ ОТГЛАГОЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ
СО ЗНАЧЕНИЕМ ОТВЛЕЧЕННОГО ДЕЙСТВИЯ ИЛИ СОСТОЯНИЯ**

12

Социальная обусловленность современных неологических процессов приводит к активному пополнению словарного состава современного русского языка. В статье анализируются новые производные существительные, образованные от глаголов, с целью определения их продуктивности и динамики в словообразовательных процессах русского языка новейшего периода. На материале словарей новой лексики, медийных текстов и Национального корпуса русского языка выявляются и описываются наиболее продуктивные в настоящее время словообразовательные типы и модели отглагольных существительных с процессуальной семантикой, определяется их соотношение с отсубстантивными неодезиватами отвлеченного действия. Исследование выполнено в русле актуальной в современной лингвистике антропоцентрической парадигмы.

The social determination of current neological processes contributes to the expansion of the vocabulary of the contemporary Russian language. In analysing new nouns derived from verbs, this article examines the nouns' productivity and contribution to the word formation in the contemporary Russian language. Dictionaries of new lexis, media texts, and the Russian National Corpus are used to identify and describe the most productive word-formation types and models for verbal nouns with procedural semantics. The author investigates the connection between such nouns and denominative neo-derivatives with a meaning of an abstract action. The study follows the anthropocentric paradigm.

Ключевые слова: неологизм, словообразовательный тип, продуктивные аффиксы.

Key words: neologism, word-formation types, productive affixes.

В рамках антропоцентрической парадигмы современного научного знания, приоритетность которой не раз отмечалась лингвистами [1], особенно актуальными являются исследования неологизмов в их динамике и социальной обусловленности. Анализ отвлеченных существительных представляет особый интерес, так как «абстрактная, “интеллектуальная” лексика быстрее и ярче других лексических пластов реагирует на качественные изменения этнического языка, а тенденции ее развития всегда отражали особенности эволюции русского национально-языкового сознания» [5, с. 120].

Среди отвлеченных имен существительных выделяются группы производных, мотивированных глаголами, прилагательными и существительными, традиционно противопоставленные друг другу по словообразовательному значению. Мотивированные глаголами существительные — это слова со значением «отвлеченного действия или состоя-

ния» [7, с. 52]. При этом у них, как отмечают исследователи, сохраняется присущее глаголам значение процессуального признака, которое совмещается со значением существительного как части речи [7, с. 52].

Словообразовательная система языка обладает широким набором формантов, в первую очередь суффиксов, позволяющих конструировать новые отглагольные субстантивы. В Русской грамматике 1980 г. (далее — РГ-80) описано более 20 словообразовательных типов с различными суффиксами, используемыми для образования существительных со значением отвлеченного процессуального признака [14, § 256—283]: при словообразовании используются суффиксы *-аж*, *-ащи(я)*, *-к(а)*, *-ств(о)* и многие другие, иногда придающие производным словам различную стилистическую окраску (ср. производные *промыть* с разговорной окраской и *промывание* — с книжной). Однако активность типов и, соответственно, формантов в языке новейшего периода оказывается различной. Показать, насколько востребован в современном языке тот или иной словообразовательный формант и тип, может анализ новой лексики: суффиксальных отглагольных неологизмов-существительных, зафиксированных в словаре-справочнике «Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» (далее — НСЗ-90) [9], а также неологизмов и окказионализмов, зафиксированных в текстах современных СМИ и Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) [8].

Обращение к словарю НСЗ-90 неслучайно: академические неограрфические издания предоставляют исследователю богатый и репрезентативный материал, позволяющий проанализировать тенденции развития языка как в целом, так и на отдельных участках системы. Анализируемый словарь с полным правом «можно считать лингвистическим портретом России на исходе столетия» [13, с. 307]. В качестве одного из несомненных достоинств словаря исследователи отмечают фиксацию в нем «продуктивных словообразовательных моделей» [4, с. 17].

Анализ языка масс-медиа показывает, как «деривационный механизм, словообразовательная система реагируют на актуальные социополитические процессы» [12, с. 4]. По наблюдениям ученых, в частности Е. И. Коряковцевой, в современном мире «СМИ, диктующие социокультурные и языковые моды, влияют на общественную престижность как отдельных лексем, так и целых словообразовательных типов, являясь основными “поставщиками” неологизмов, неозаимствований, интернационализмов и гибридных неодериватов, новых словообразовательных формантов и моделей» (цит. по: [15, с. 15]).

Материалы НСЗ-90 и СМИ показывают, что наиболее продуктивным суффиксом, с помощью которого образуются новые существительные со значением отвлеченного процессуального признака, оказывается суффикс *-ни(е)*: *бомжевание* (от *бомжевать*, ‘образ жизни бомжа, бомжей; ведение такого образа жизни’); *бронзовение* (от *бронзоветь*, ‘обретение кем-, чем-л. ореола неприкосновенности, святости, непогрешимости’); *допингование* (от *допинговать*, ‘стимулирование запрещенными средствами (о спортсменах)’); *зомбирование* (от *зомбировать*, ‘воздействие на сознание, поведение человека (людей) с целью подчинения

его (их) чужой воле, управления его (их) сознанием и поступками разными способами и методами', пример из НКРЯ: *Однако сегодня, по мнению многих исследователей, главная опасность — применение через Интернет новых методов **зомбирования** и даже изменения человеческого генокода); сэмплирование / семплирование (от сэмплировать / семплировать, 'запись каких-л. звуков, музыкальных фрагментов и создание на их основе оригинальных композиций, аранжировок с помощью сэмплера (семплера) и компьютерных программ; сэмплинг')*; *кликание* (пример из НКРЯ: *Можно было бы что-нибудь более гладкое написать типа Аноним или NN (последнее любят и в книгах писать), а на страничке, появляющейся после **кликания**, растолковать, что к чему*) и др. Суффикс *-ни(е)* репрезентирован морфами *-ни(е)* и *-ени(е)*. Выбор того или иного морфа происходит в соответствии с уже существующими в языке моделями: морф *-ни(е)* присоединяется к основам глаголов на гласную, причем конечная гласная основы сохраняется (*засвечивать — засвечива-ние*), морф *-ени(е)* выступает в позиции после согласных, в то время как конечная гласная инфинитивной основы отсекается (*изгаляться — изгал-ение*). Продуктивность указанного суффикса характерна не только для исследуемого периода: он рассматривается как высокопродуктивный в РГ-80, а «словообразовательная модель имен со значением отвлеченного действия, производимых посредством суффиксов *-ние, -ение, -тие*, относится к числу древнейших и известна общеславянскому языку» [10, с. 86].

Некоторые новообразования с указанным суффиксом имеют пометы, определяющие как сферу употребления неологизмов (*здвижение* 'перемещение на менее высокую, не столь ответственную, ниже оплачиваемую и т. п. должность' — «разговорное»; *изгалеие* 'злое издательство, глумление' — «разговорно-сниженное» и др.), так и их коннотацию (*бронзовение* 'обретение кем-, чем-л. ореола неприкосновенности, святости, непогрешимости' — «ироническое», пример из НКРЯ: *Следствием было «бронзовение» достаточно многих вчерашних властителей дум*).

Характерно то, что в настоящее время с исконным суффиксом активно сочетаются иноязычные основы, что свидетельствует об освоении заимствований русскими словообразовательными моделями.

Производные с суффиксом *-аци(я)* имеют то же значение, что и слова с суффиксом *-ни(е)*. Данные словаря показывают, что этот суффикс достаточно продуктивен в словообразовательных процессах новейшего периода. В то же время в словаре НСЗ-90 встречаются отдельные новообразования, созданные с помощью суффикса *-аци(я)* от глагольной основы: *банкротизация* (от *банкротить*) и *виртуализация* (от *виртуализировать*). У новообразования *банкротизация* ('признание юридического лица (обычно предпринимателя) неплатежеспособным, банкротом') и его производящего глагола *банкротить*, по данным НСЗ-90, можно отметить двустороннюю семантическую мотивацию: производящий глагол в словаре толкуется через производное существительное (*банкротить* — 'подвергать банкротизации'). Кроме того, при образовании субстантива происходит нарушение системных отношений: согласно данным РГ-80, в подобной позиции мог бы быть использован морф

-аци(я) без элемента -из-: *банкротация. Использование интерфикса в данном случае можно объяснить действием аналогии и фонетическими причинами.

Образование неологизма *виртуализация* происходит без нарушения внутрисистемных отношений от иноязычной основы на -ирова(ть), которая в процессе словопроизводства усекается (ср.: *деградация* — *деградировать*). У новообразования *виртуализация* ('1. широкое внедрение компьютерных и интернет-технологий в различные сферы деятельности; 2. перевод чего-л. в виртуальные формы') в словаре отсутствуют какие-либо пометы, а семантика данного новообразования позволяет отнести его к книжной лексике, что также соответствует сложившейся системе: как отмечается в РГ-80, «большинство новообразований этого типа принадлежит к книжной лексике (преимущественно к научно-технической терминологии)» [14, § 263]. Важно, на наш взгляд, отметить, что, согласно данным НКРЯ, субстантив *виртуализация* оказывается более частотным, чем его производящее *виртуализировать* (примеры из НКРЯ: *Сегодня все можно виртуализировать, даже любовь, не то что творчество; Субкультуризация и виртуализация культуры определит новые условия противоборства постмодерна и просветительского рационального проекта*). Это может объясняться тем, что более востребованным для носителей языка оказывается не обозначение самого действия, а обозначение действия через предмет, то есть опредмеченного действия.

Указанный дериватор — суффикс -аци(я) — может сочетаться и с основами существительных; как показывают данные НСЗ-90, последняя модель является в наши дни более активной, чем хронологически предшествовавшая ей модель с производящей глагольной основой (ср. новообразования *бандитизация, валютизация* и др.).

Во второй половине XX в. активизировалось создание имен существительных с помощью рассматриваемых суффиксов не от глагольных, а от именных основ, что связывается учеными с экстралингвистическими процессами социального характера. К последним относят, в частности, изменение общественного строя во многих странах, в том числе в России, глобализацию и их последствия: «внедрение американской культуры и образа жизни; превращение СМИ в одно из основных орудий управления обществом; растущую силу преступного мира и власть олигархов; духовное и материальное обнищание населения; распространение наркотиков; рост психических заболеваний, обусловленных общественно-политическими, экономическими и социокультурными преобразованиями» [6, с. 72].

Исследователи отмечают, что в 60–70-е гг. XX в., в связи с усилением тенденции к интеллектуализации русского языка возросла продуктивность суффиксальных элементов с высокой степенью лексической наполненности: -овани(е) / -евани(е), -ировани(е) / -изировани(е) [3]. В новых отыменных существительных с суффиксом -овани(е) / -евани(е), называющих процессы, «основная смысловая нагрузка приходится на финали -ирование, -ование, так как именно с их помощью получает фор-

мальное выражение ядерная процессная сема. Значения именных производящих основ лишь конкретизируют процессное значение, передаваемое формантами» [6, с. 76]: *автоклави́рование, скирдование, дождевание, бороздование, логизирование*. В 90-е гг. XX в. продуктивность отыменных словообразовательных моделей с рассматриваемыми суффиксами снизилась, что ученые объясняют возросшей конкуренцией со стороны синонимических отыменных словообразовательных типов с суффиксом *-изаци(я)*: *азиатизация, алкоголизация, американизация, бандитизация, гламуризация, дебилизация, долларизация, криминализация, наркоманизация, олигархизация* и др.

Инновационной чертой новых имен действия, называющих процессы, происходящие в общественной, экономической и политической жизни, является, как отмечают исследователи, пейоративность: «Экспрессивная составляющая семантики производных *nomina actionis*... формируется за счет производящих именных основ: содержащаяся в них негативная оценка объекта или признака переносится на процесс, с которым связан этот объект или признак» [6, с. 73].

Словообразовательная модель отглагольных (как и отсубстантивных) существительных крайне востребована в рамках политического дискурса. Новообразования с данными суффиксами используются в качестве средств негативной социальной оценки. «Высокая степень оценочности, стремление любой ценой привлечь внимание читателя, подчас слепое следование за установившейся в сознании носителей языка речевой модой не могли не сказаться на особенностях словотворчества» [11, с. 195–196], поскольку «человеческий фактор является важным экстралингвистическим компонентом языковых и речевых преобразований» [2, с. 7–12].

При образовании неологизмов используются также суффиксы *-ёж; -к(а); -лов(о)*: *давёж; кидка; кидалово*. При этом новообразования оказываются стилистически маркированными и могут дублировать друг друга по значению и по сфере употребления (*кидка — кидалово*). Как известно, в системе языка конкуренция может привести либо к тому, что одно слово будет вытеснено из употребления, либо к тому, что языковые единицы разойдутся, в частности по семантике. Так, у слова *кидалово* отмечается оттенок значения ('воровство в результате обмана; то, что украдено'), которого нет у других членов синонимического ряда.

Наличие стилистической окраски у суффикса *-ёж* позволяет с его помощью создать новообразование от производящего глагола *давить*, у которого уже есть производный субстантив *давление* со значением отвлеченного действия. Инновация *давёж* ('психологическое, идеологическое, моральное воздействие, давление на кого-л.') дается с пометой «разговорное». Оно образовано в соответствии с существующей моделью, продуктивность которой в разговорной сфере и просторечии отмечается авторами РГ-80 [14, § 269].

В языке новейшего периода происходит и своеобразное обновление данной группы аффиксов: так, новообразования *доставаловка, дразниловка, душиловка* и другие образованы с помощью суффикса *-ловк(а)*, который ранее использовался в существительных с общим значением ме-

ста (пример из РГ-80 – *забегаловка*). Согласно РГ-80, подобные инновации должны иметь общее значение «места, характеризующегося действием, названным мотивирующим глаголом» (*забегаловка*) [14, § 229]. Однако значения рассматриваемых неологизмов не соответствуют семантике, указываемой для данного словообразовательного типа: новые слова обозначают не «место или учреждение», а «отвлеченное действие или предмет, предназначенный для осуществления действия». Так, неологизм *доставаловка*, по данным НСЗ-90, обозначает не *‘место, где что-л. достают (в значении ‘приобретать, добывать что-л. дефицитное, прилагая усилия, преодолевая трудности’), хотя такое значение, в принципе, возможно, а ‘приобретение, получение чего-л. отсутствующего в широкой продаже путем обходных путей, знакомств’; новообразование *дразниловка* имеет значение ‘сексуально привлекательный вид или эротичное поведение, вызывающее желание’; *завлекаловка* – это ‘1. привлечение внимания к чему-л., завлечение кого-л.; 2. о том, что имеет своей целью привлечение чьего-л. внимания к чему-л., вовлечение во что-л., замануха’. Значение новообразования *душиловка* (‘1. отсутствие свежего воздуха в тесном пространстве, затрудненное дыхание; духота // о том, что зажимает горло, душит кого-л.; 2. о каких-л. экономических, финансовых, социальных трудностях в сфере производства; 3. давление, притеснение кого-л.; строгие меры, направленные на кого-, что-л.; 4. обилие, скопление чего-л., вызывающее тесноту’) также не приближается к семантике той словообразовательной модели, которая описывается в РГ-80. Следует также отметить, что у всех указанных новообразований есть помета «разговорное» (а у слов *доставаловка*, *душиловка*, *завлекаловка* есть также помета «неодобрительное»), что было характерно и для производных, описанных в РГ-80 («тип продуктивен в разговорной речи и просторечии» [14, § 229]: *А так как показательные выступления знаменитых российских групп – «Стрижи», «Витязи», «Небесные рыцари» и итальянской группы Fresce Tricolori служили главной «завлекаловкой», можно понять разочарование посетителей* (пример из НКРЯ).

Суффиксы с разговорной окраской особенно востребованы в современном медийном словообразовании, так как позволяют выразить определенную, как правило негативную, оценку, а также приблизить стиль медиатекста к повседневной речи целевой аудитории. Глобальная тенденция к повышению экспрессивности медийных текстов, увеличению их оценочной плотности объясняется установкой на воздействие.

Социальные факторы, наряду с собственно языковыми, обуславливают отбор наиболее востребованных элементов, причем изменения можно наблюдать даже в относительно короткий временной промежуток. Так, авторы РГ-80 отмечают продуктивность суффикса *-ств(о)* при образовании отглагольных субстантивов [14, § 264], однако в наших материалах не было обнаружено ни одного отглагольного производного с данным дериватором (при том что отмечается его продуктивность при образовании отыменных производных).

Таким образом, анализ отглагольных новообразований показывает гибкость словообразовательной системы русского языка, ее готовность обслуживать новые общественные реалии и вместе с тем ее внутреннюю устойчивость и стабильность.

Список литературы

1. Ваулина С. С., Девина О. С. Авторская модальность как текстообразующая категория (к постановке проблемы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2010. №8. С. 13–21.
2. Ваулина С. С. Модальность как коммуникативная категория: некоторые дискуссионные аспекты исследования // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2013. №8. С. 7–12.
3. Даниленко В. П. Русская терминология. М., 1977.
4. Ефремов В. А. Современная академическая неография: проблемы и перспективы // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2014. №3 (19). С. 14–21.
5. Коряковцева Е. И. Nomina abstracta в современном русском языке: социокультурные факторы роста продуктивности словообразовательных моделей // Активные процессы в современном русском языке : сб. науч. тр., посвященный 80-летию со дня рождения профессора В. Н. Немченко. Н. Новгород, 2008. С. 119–126.
6. Коряковцева Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce, 2016.
7. Краткая русская грамматика / под ред. Н. Ю. Шведовой, В. В. Лопатина. М., 2002.
8. Национальный корпус русского языка. URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 10.07.2017).
9. Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 3 т. / отв. ред. Т. Н. Буцева. СПб., 2009–2014.
10. Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного / под ред. В. В. Виноградова и Н. Ю. Шведовой. М., 1964.
11. Плотникова Л. П. Словотворчество как феномен языковой личности : дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2003.
12. Рацибурская Л. В., Самыличева Н. А., Шумилова А. В. Специфика современного медийного словотворчества. М., 2015.
13. Рацибурская Л. В., Шелов С. Д. [Рецензия] // Русский язык в научном освещении. 2011, №2 (22). С. 307. Рец. на кн.: Новые слова и значения : словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века : в 2 т. СПб., 2009. Т. 1 (А–К).
14. Русская грамматика : [сайт]. URL: <http://www.rusgram.narod.ru> (дата обращения: 10.07.2017).
15. Коряковцева Е. И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Siedlce, 2013. С. 9–38.

Об авторах

Лариса Викторовна Рацибурская – д-р филол. наук, проф., Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

E-mail: racib@yandex.ru

Елена Александровна Жданова – ассист., Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского.

E-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru

About the authors

Prof Larisa Ratsiburskaya, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
E-mail: racib@yandex.ru

Elena Zhdanova, Lecturer, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod.
E-mail: e-a-zhdanova@inbox.ru

УДК81'276.3-053.2

О. Н. Варламова

19

СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ПЕРФОРМАТИВНОСТИ В ОБЩЕНИИ МАТЕРИ И РЕБЕНКА

Рассматривается понятие перформатива, его первичные признаки и свойства. На основе анализа аудио- и видеоматериала определяются вторичные формы проявления перформативных высказываний в диаде «мать-ребенок» и особенности их употребления в речи. Данный тип высказываний рассматривается как характеризующий речь женщины в социально-релевантной роли матери.

This article analyses the concept of performative utterance, its primary characteristics, and properties. Audio and video sources are employed to identify secondary forms expressing performative utterances in the mother-child communication and to examine the use of such utterances in the speech. This type of utterances is considered as characteristic of the speech of a woman performing the social role of a mother.

Ключевые слова: материнское общение, социальная роль матери, речевой портрет, перформатив, имплицитный перформатив.

Key words: mother-child communication, social role of mother, speech portrait, performative utterance, inexplicit performative.

Термин «перформативность» был введен в лингвистическую науку Дж. Остином в 1965 г. [3]. В современной лингвистике отсутствует однозначное определение данного понятия в связи с многообразием подходов к его трактовке. Однако в самом общем виде перформативность рассматривается как специфическое свойство некоторых глаголов, формирующих эксплицитные перформативные высказывания. В понятийном аспекте «перформативность соотносится с исполнением определенных актов, а именно исполнением театральных или ритуальных речевых действий, материальным воплощением посланий в “акте письма” (в том числе компьютерного), а также процессом интерпретации своего представления в акте чтения и т. д.» [10, с. 142].

Традиционно глагол считается перформативным, если для него возможно употребление в форме 1-го л. ед. ч. наст. вр. изъяв. накл.